

ложить работу «Новому миру»... На Твардовского этот не-большой по объёму, всего на полутора печатных листах, очерк произвёл настолько сильное впечатление, что он, по собственному признанию, готов был идти хоть на эшафот, только бы работу опубликовать. И сумел-таки опубликовать в девятом номере журнала за 1952 год после напряжённого и томительного ожидания реакции всех надзирающих инстанций. Только после выхода сигнального экземпляра журнала Твардовский оповестил об этом Овечкина телеграммой.

Вероятно, ни автор, ни редактор не ожидали столь громкого успеха очерка. В редакцию пошёл поток читательских писем – от Чукотки до Бреста, от Мурманска до Ставрополя.

Читатели требовали продолжения. Второй очерк «На переднем крае» из цикла «Районные будни» отец в 1953 году сдал в «Правду»... Время шло, а решение не принималось... И вдруг звонок из Кремля: Никита Сергеевич, Вячеслав Михайлович и Георгий Максимилианович ознакомились и дают добро...

В 1956 году отец завершил цикл «Районные будни» публикацией очерка «Трудная весна». Это был несомненный творческий успех писателя, его главная книга... Издатели не отстают от читательских потребностей – книги Овечкина издаются миллионными тиражами и переводятся более чем на тридцать языков. В библиотеках их зачитывают до дыр, в городах и сёлах проводятся читательские конференции, отца приглашают на них от Владивостока до Бреста.

Популярность – штука злая и опасная, но у отца, видимо, был крепкий иммунитет против неё. Звёздной болезнью он не страдал – ни грамма высокомерия и зазнайства в общении с внешним миром я у него не замечал. Напротив, популярность он воспринимал лишь как рост ответственности перед читателями, литературой и обществом...

Овечкина издают во многих европейских странах, Аргентине (на иврите), Китае, Вьетнаме, Монголии, Корее. Настала пора знакомиться с зарубежными читателями.

...Две фронтовые контузии, и обе на поясницу, давали о себе знать всю жизнь, то затухая, то обостряясь до нестерпимых болей, и в Киеве, и в Курске и в Ташкенте. В конце 50-х и начале 60-х годов здоровье отца как-то резко ухудшилось.

Зима 1968 года выдалась тёплой, первый снег выпал в конце января и тут же растаял. Субботний день 27 января был душным, влажный воздух завис без движения. Такое муторное затишье бывает перед резкой сменой погоды. Мы поздно пообедали, мама вышла во двор отдышаться и пообщаться с соседями на скамейке, отец вернулся в кабинет за свой рабочий стол, а я включил на кухне газовую колонку,

которая «то как зверь она завоет, то заплачет как дитя», мыл посуду, прикрыв дверь. Заглянул отец:

– Валерка, закончишь мытьё, зайди ко мне, есть разговор.

– Ладно, зайду.

Выключил я это чудо техники XX века, газовую колонку, извергающую децибелы погромче симфонического оркестра, и вошёл в кабинет. Отца там и в других комнатах не оказалось. В туалете – никого, а дверь в ванную закрыта изнутри на щеколду, я постучал, но в ответ молчание. Поставив табурет в туалете, я заглянул в широкое окно, что под самым потолком в стене, разделяющей туалет и ванную, и увидел отца, лежащего на полу головой к двери, – значит, дверь, которая открывалась вовнутрь, вышибать нельзя. Стамеской быстро отодрал штапики и выставил стекло, через окно влез в ванную, сдвинул отца в сторону и открыл дверь, но поднять его в тесноте не смог. Выбежал во двор за подмогой, предупредил маму, и мы с соседом перенесли отца в гостиную и уложили на тахту. Мама привела соседку, санитарного врача, вслед за ней пришла ещё и медсестра, тоже из нашего дома. Вызвали «скорую». Врач и сестра тихо переговаривались между собой, а я боковым зрением увидел, как они складывают руки отца на груди и обвязывают их полотенцем. Женщины бросали на меня короткие, какие-то виноватые взгляды, не решаясь сказать то, что я уже понял, – это конец.

Хоронили отца в понедельник. Приехал к нам домой Рашидов, посидел у гроба, сказал прощальные слова – простые и искренние. Мама поблагодарила его за приют и заботу о нашей семье. Из Москвы прилетели Д. Ковалёв, Е. Герасимов, А. Марьямов, М. Колосов, Наташа Фиш, из Курска – Ф. Голубев и Е. Носов.

Траурный митинг открыл Д. Ковалёв, делегированный от Союза писателей СССР. С трудом сдерживая слёзы, он говорил, что литература потеряла одного из лучших своих представителей, а он – чтимого и уважаемого друга, близкого его душе человека. Говорили Е. Носов, К. Яшен и незнакомые мне люди, говорили без фальши, без пафоса, по-доброму.

Д. Ковалёв опустил в гроб платок с русской землёй, взрастившей, но – так уж случилось – не упокоившей своего строптивого сына Валентина Овечкина.

Он хотел изменить мир к лучшему, а тот оказался тяжёлым и неповоротливым. Но он не изменил себе. Он верил в коллективный труд и думал о людях, верил в их разум. Он люто ненавидел бюрократию и парткратию с их самодовольством и чванством, он презирал трусость, подхалимаж и лихоимство. Любые формы предательства не прощал. К нему тянулись люди зарядиться смелостью и честностью. Но его ненавидели те, которым он мешал бездействовать или творить беззаконие.

Овечкина нет, но звучит и будет звучать его побудительный призыв: «Хочешь жить – броском вперед!».

